

УДК 320.316.346.2

ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

О.Г. Овчарова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: ovcharova@yandex.ru

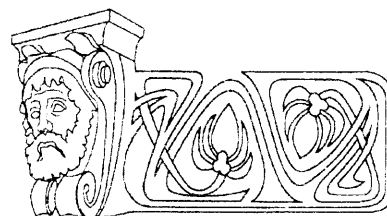
В статье рассматриваются возможности и исследовательские перспективы применения в политологическом дискурсе понятия «гендерный разрыв». Данный термин, возникший в электоральных исследованиях как количественный показатель, в настоящий момент применяется в расширительном значении и позволяет изучать гендерные различия в политической жизни на разных уровнях аналитической деятельности.

Gender Gap as an Instrument of Political Science Analysis

O.G. Ovcharova

The article focuses on the possibility and research perspectives to apply the definition "gender gap" in political science discourse. This term appeared as quantity index in the electoral research. It is nowadays used in the extended meaning and makes it possible to study gender distinctions in the political life on different levels of analytic activity.

Перманентный процесс обогащения методологического арсенала политической науки новыми подходами, средствами и инструментами анализа политической реальности – явление закономерное, объясняемое объективными причинами множественности, а соответственно многозначности политических процессов, отношений и феноменов, которые появляются в результате постоянного общественно-политического развития и требуют научного осмысления. Среди основных современных концепций, интерпретирующих истоки политического развития, можно отметить представления о развитии «... в виде массовой мобилизации и участия»¹ в политике. Данное объяснение обусловлено историческими причинами появления в ходе эмансипационных общественных движений новых субъектов в сфере политики и степенью их влияния на ход политически значимых событий: «... взаимодействие политики и человека имеет конкретно-исторический характер... Новое и особенно новейшее время приносит расширение гражданских прав и свобод, а также рост числа участников политического процесса. В него вовлекаются все

новые слои населения, ранее пассивного в политике. Вслед за социальными классами на политическую арену приходят такие группы, как представители третьего мира, женщины, молодежь, этнические меньшинства...»². Вследствие этого прежними маргиналами политической жизни формируются убеждения и ценности на основе собственного социального опыта и возможность трансляции своей точки зрения посредством исполнения приобретенных политических ролей. Значительное количество последних увеличивает степень неоднородности характера деятельности политических акторов и дифференциацию их политических интересов. В свою очередь, разница политически значимых действий участников политического процесса влияет на неоднозначный итог их взаимодействия и особенным образом, характерным только для той или иной социально-демографической группы участников, воздействует на политику. Очевидно, что при этом возникает вынужденная необходимость приспособления политических институтов и практик государства к данным поведенческим проявлениям, а в сфере интеллектуального осмысления – необходимость поиска причин, объясняющих действия новых акторов и степень их влияния.

Предметом данной статьи является рассмотрение методологических возможностей гендерной теории, позволяющей анализировать развитие политической жизни с учетом вклада действий одной из депривированных до XX в. социальных категорий – женщин.

Основной направленностью гендерных исследований, появившихся в 80-х гг. прошлого столетия на Западе в русле феминистской теории, является обоснование традиционно основанной на биологических различиях дихотомии «мужское/женское» как «вла-

ствующее/подчиненное» в виде социокультурного конструирования неравенства. Гендер представляет мужчину и женщину как социальных субъектов, неравенство которых обусловлено патриархальным характером общественного развития (т.е. социальным порядком, при котором мужчины имеют доминирующее положение), в ходе которого символически, нормативно и институционально создавались и воссоздавались иерархические представления о функциях и ролях, выполняемых мужчинами и женщинами. С позиции гендерного подхода существующая разница биологических, психологических, социальных различий между мужчинами и женщинами, а также их деятельность и жизненный опыт не равнозначно оценивается обществом: «...основой методологии гендерных исследований является не просто описание различия в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, но анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения»³. Для реализации этой цели используются как концептуальные средства «мужских» теорий, но «освобожденных» от андроцентристской позиции, так и собственные методики. Базисным принципом теории является наделение равным статусом и значимостью различных вкладов мужчин и женщин в сферы общественного и частного, будь то экономическая, политическая деятельность либо домашний труд. Междисциплинарные, по сути, гендерные исследования, за короткое время стали профессиональной научной нормой социогуманитарного знания в западных странах и постепенно обретают самостоятельный статус в российском социальном познании.

Феминистская политология имеет более чем тридцатилетний путь развития от теоретического осмысления опыта женского движения и критики классической политической теории до появления собственных концепций политики и политического с позиции гендерного анализа, использующихся как в теоретическом, так и эмпирическом уровне знаний и исследований. В настоящий момент эта область науки считается «...одним из наиболее оригинальных и перспективных направлений политической теории за последнюю

четверть века»⁴. Перспективность феминистских/гендерных политологических исследований заключается в новом видении изучаемых проблем: «... знание, основанное на жизненной позиции женщин, в особенности там, где они маргинализированы, приводит к большей объективности не только потому, что расширяет базу, от которой происходит познание, но и потому что через перспективы «аутсайдеров» и маргиналов могут быть выявлены аспекты реальности, скрываемые более ортодоксальными подходами к формированию знания»⁵. Ярко выраженная актуальность основана на том, что гендерный подход, «перешагнув» со временем предел теоретических концепций, стал частью реальной политики равных прав и возможностей в демократических странах, символом реализации принципов свободы и равенства в отношениях между мужчиной и женщиной в современном обществе. Следовательно, гендерный анализ важнейших политических событий и феноменов становится особой составляющей политической культуры и интегральной частью политического процесса в странах устоявшихся демократий и перспективной в социально-политическом развитии стран демократического транзита. Научно-практическое содержание понятия «гендерный анализ» в области политического определяется как «...процесс оценки различного воздействия, оказываемого на мужчин и женщин, предлагаемых или существующих программ, законодательства, государственных курсов, политики во всех сферах жизни общества и государства. Гендерный анализ позволяет увидеть и сравнить: как и почему политические проблемы влияют на мужчин и женщин? ... суть гендерного анализа... заключается в полном раскрытии последствий любых предпринимаемых шагов в государстве и в общественно-политической жизни общества для обоих полов...»⁶, а значит и для всего социума в целом. В данном контексте установления баланса между различными измерениями политики задачи гендерной политологии и современного политологического сообщества совпадают и выражаются через освещение действительности в форме «философии диалога» с позиций, определяе-

мых как «... ориентация в многокачественном и высококачественном мире, требующем диалоговых стратегий как в области теории, так и в сфере общественно-политической практики»⁷. Тем не менее реалии показывают, что женщины пока еще недостаточно представлены в политике, а феминистские учения далеко не во всех странах завершили процесс институционализации в политической науке. Эти факты нашли отражение в политологическом анализе темы «женщины и политика».

Как и любая другая, гендерная наука вырабатывает в ходе своего развития и впоследствии оперирует в исследованиях основными понятиями, которые являются формами осознания наиболее общих свойств институционального/неинституционального конструирования гендера и его влияния на социальные процессы. В научном потенциале гендерной политологии присутствуют наряду с понятийным рядом «общей» гендерной теории определения, отражающие закономерности непосредственно политических феноменов, природа происхождения которых может быть наиболее объективно объяснена с позиции гендерного подхода. Примечательно, что некоторые понятия гендерной политологии не только закрепляются в понятийном аппарате конвенциональной политологии, но и принимают универсальное смысловое значение и используются для интерпретации схожих по характеристикам социальных явлений и процессов, изучаемых другими областями знаний. Одна из таких категорий – «гендерный разрыв» («gender gap»).

Наиболее отчетливое звучание, а главное, аналитическую оценку термин «гендерный разрыв» приобретает в комментариях американских политологов, осмысляющих успех Р. Рейгана на президентских выборах 1980-х гг., в ходе которых была зафиксирована стабильная поддержка кандидата от республиканцев мужским электоратом и малая популярность среди женщин-избирательниц. В настоящий момент электоральные исследования различных стран убедительно демонстрируют наличие гендерного разрыва на выборах любого уровня. Таким образом, понятие «гендерный разрыв» появилось

вследствие изучения электорального поведения и обозначает применительно к данному феномену «... существенные отличия в поведении избирателей мужского и женского пола при определении партийной поддержки, в оценках действий президентов, в отношении к актуальным и острым проблемам государственной политики и путям их решения»⁸.

В этой связи необходимо заметить, что ретроспективный анализ западных политологических исследований показывает определенный интерес к проблемам различия электорального поведения мужчин и женщин. К примеру, с середины 30-х гг. в опросах Гэллапа, а с 50-х гг. в опросах Мичиганского университета анализа общественного мнения прослеживаются количественные показатели, отражающие гендерную разницу в активности и предпочтениях избирателей⁹. Политическим и, в частности, электоральным интересам женщин посвящена работа крупного представителя французской политической науки XX в. М. Дюверже «Политическая роль женщин» (1955), считающаяся единственным научно-исследовательским, «пионерским» трудом по тематике «женщины и политика» до возникновения феминистской теории¹⁰. Политический портрет женщин создан в классических произведениях выдающихся американских ученых, политологов-бихевиористов Р. Лэйна, Р. Даля, Г. Алмонда и С. Вербы¹¹. Выводы данных исследований свидетельствовали о наличии гендерного разрыва в сторону наименьшей (по сравнению с мужчинами) заинтересованности женщин политикой, а соответственно пассивным участием в выборах: «...ни численность, ни содержание женского политического участия не являются весомее мужского»¹². Кроме того, отмечалась приверженность женщин консервативным взглядам, но вместе с тем отсутствие самостоятельных политических предпочтений, способность действовать на основе влияния идеологических убеждений главы семейства. Гипотезам о женской аполитичности давались традиционные теоретические объяснения, связанные с биологическими «особенностями» женщин, которые не позволяли им принимать маскулинный стиль сферы политического, в том

числе и поведения. Собственные проявления внутренней и внешней активности женщин, их отношение к политической реальности и способы его выражения воспринимались политологами как не имеющие значения с точки зрения научного анализа: «Политическое поведение мужчин стало нормой, по которой оценивалось политическое поведение женщин, и оно было сочтено несуществующим. Эти положения не только не были проверены, но, похоже, были восприняты как “связанные с природой”, а изменения в ролях мужчин и женщин рассматривались как невероятные или нежелательные»¹³. Таким образом, интерпретации политического поведения женщин, практически до начала последней четверти XX в., основывались на положениях концепции «общественное / частное» (зафиксированной в западной политической мысли со времен античности и являющейся значимой политологической категорией). Согласно постулатам последней, сферы публичной деятельности, в том числе и политика, считались прерогативой мужчин, а реализация женщин была возможна исключительно в сфере частных интересов – семье, в которой, тем не менее, господствовал мужчина, в том числе и в качестве доминирующего политического представителя. Следовательно, основные методологические подходы конвенциональной политологии в отношении пары «мужчина-женщина» строились на принципах «естественной» иерархической подчиненности, а представления о женщине в роли полноправного субъекта политики не являлись специальной сферой исследования: «...философские каноны политической теории и эмпирические каноны бихевиористского направления политологии исключили женщин и их деятельность из сферы своего внимания, часто представляя их как незаметных и пользуясь стереотипными представлениями об “аполитичной” природе женщин и их поведения»¹⁴. Сложилась достаточно парадоксальная ситуация: женщина, став актором политики, оценивалась в соответствии с традиционным «эталонным измерением политического», а демонстрируемые гендерные разрывы – с биологической «неспособностью» женщины занимать-

ся политикой. Других причин, указывающих на низкий уровень политической эффективности женщин, в политологическом дискурсе не существовало. Благодаря объяснениям гендерной науки были выдвинуты доказательства о влиянии патриархальных социокультурных представлений на асимметрию политического участия мужчин и женщин. Следуя им, убеждения политологов-бихевиористов были основаны на существовании устойчивых общественных стереотипов о «...периферийности политического в сфере женской компетентности и заботы»¹⁵. Причем этих неписанных нормативных утверждений, ставших за многие века неотъемлемым элементом общественного сознания, придерживались и сами женщины, даже несмотря на получение гражданских прав. В соответствии со свойством ментальности сознания воспроизводить произошедшие перемены по «догоняющему пути развития», освоение женщинами новых социальных ролей в условиях патриархальной политической культуры протекало достаточно медленно, что, в свою очередь, и выразилось в низком проценте посещаемости выборов. По мнению Э.Гидденса: «...реальным препятствием к равенству между полами является не право голоса, а более глубокие социальные различия между мужчинами и женщинами, ограничивающие деятельность женщин только домом и хозяйственными делами. Уменьшение социальных различий между полами гораздо сильнее сказывается на политической активности женщин, чем что-либо другое. По мере искоренения различий между мужчинами и женщинами в социальном статусе и в возможности занимать посты во властных структурах число женщин, принимающих участие в голосовании, начало расти»¹⁶. На кардинальное изменение политического сознания женщин США и Европы повлияло массовое и необычайно сильное по эффекту общественное воздействие феминистское движение 1960–1970-х гг. Подъем феминизма и социальная активность женщин произвели решительные перемены в интеллектуальной сфере, в результате чего многие обществоведы, в том числе и политологи, избрали объектом своих научных изысканий

женщину. Как упоминалось выше, в западных странах за последние тридцать лет практически состоялась «интеграция» значимости гендерных отношений в общественное сознание, а на многочисленных уровнях управленческих структур реализуется гендерная политика. Каковы же в современных условиях интерпретации показателей гендерного разрыва?

Так как эти показатели измеряются количественно, гендерный разрыв прежде всего подразумевает разницу в цифрах. Тем не менее за цифрами, констатирующими гендерный разрыв, скрывается гораздо большее значение, нежели простая разница в предпочтениях политического выбора. Данное явление отчетливо демонстрирует переплетение прямого измерения и определение на его основе качественных признаков и свойств политических объектов, то есть переплетение количественных и качественных методов изучения политики. Таким образом, гендерный разрыв становится определенной моделью в интерпретациях, прогнозировании практик применения электорального выбора и «важным элементом политического дискурса и научного познания...»¹⁷.

Политологический анализ гендерных различий в электоральном поведении основывается на выявлении факторов, создающих специфику типологий голосования мужчин и женщин. В связи с тем, что показатели разрыва между количеством реально голосующих мужчин и женщин смещаются в сторону преобладания среди избирателей последних, вопрос о мотивах их выбора становится чрезвычайно актуальным. Специфичность различий в выборе заключается не только в гендерной разнице личностно-психологических и социально-политических приоритетов, на основе которых избиратели отдают свои голоса за соответствующих их ожиданиям кандидата/партию, но и в постоянстве приоритетов. Под значением постоянства понимается начало, объединяющее женщин-избирательниц, несмотря на их очевидную неоднородность в социальном статусе, возрасте, образовании, национальности, идеологических суждениях и других факторах, влияющих на определение электоральной

позиции. Истоки постоянства – гендерный интерес, который заключается не столько в рациональном подходе к выборам, сколько в гендерно-культурных нормах, присутствующих у каждой женщины. По заключению группы американских ученых, исследующих факторы возникновения гендерных разрывов на президентских выборах с 1978 по 1997 г., «...предложения экономической стабильности – социальные поддержки, достойно оплачиваемая работа, социальное обеспечение как ответственность за детей – представляются женщинам наиболее важными...»¹⁸.

В данном случае существенным фактором для возникновения предпочтений оказываются ценности, возникающие в ходе приобретения женского социального опыта. Можно предположить, что, несмотря на то, что при волеизъявлении женского электората могут срабатывать и другие интересы (идеологические, национальные, а также тщательно продуманное выборное политтехнологическое мастерство в виде впечатляющей рекламы, проникновенных речей кандидата и т.д.), именно гендерная мотивация будет единицей постоянного измерения избирательных различий. Следовательно, данная устойчивость электоральных предпочтений заставит кандидатов в ходе проведения предвыборных кампаний учитывать гендерную составляющую поведения избирателей. К примеру, «...обычной мудростью американской политики стала тенденция поддержки президентов-демократов женщинами и президентов-республиканцев мужчинами»¹⁹ на основании того, что предвыборная риторика и осуществление политического курса (в случае победы на выборах) демократов всегда затрагивает наиболее приоритетные, с точки зрения женского населения страны, проблемы.

Пренебрежение гендерно-сбалансированными программами у некоторых кандидатов или партий позволяет обнаружить еще одну модификацию гендерного разрыва – разрыва между потребностями избирательниц и отсутствием предложений, удовлетворяющих эти потребности. Данный тип разрыва более характерен для стран, где развитие государственной политики протекает в условиях гендерно-нечувствительной политической

культуры, для которой ценности, социальный опыт, оценки и предпочтения женщин еще не достаточно значимы. К примеру, в современной России, несмотря на то что факт многочисленности и активности женского электората общеизвестен всем партиям и претендентам на получение полномочий от своих избирателей, лишь немногие учитывают его для достижения предвыборных целей. Объяснением этому может служить аргумент о внутренней, сформированной патриархатными представлениями неготовности к трансформации стереотипов о необходимости конкретной работы с женским электоратом. Та же причина – наличие патриархатной ментальности – в значительной мере формирует ярко демонстрируемый в России гендерный разрыв во всех показателях политического участия и представительства. Следующие цифры говорят сами за себя: среди депутатов Государственной думы РФ четвертого созыва 44 женщины, что составляет 10% всего депутатского корпуса. Среди членов Совета Федерации РФ – 10 женщин (по состоянию на 20.12.2006 г.). В Правительстве РФ женщин нет. Список можно продолжить, приводя примеры очевидного отставания женщин от мужчин по уровню представленности в руководстве политических партий, органах законодательной и исполнительной власти на региональных и муниципальных уровнях. Показатели этого разрыва определяют роль и место женщины в системе властных отношений России как явное «аутсайдерство». Последствия данной политической практики изложены в соответствующих научных исследованиях и помимо того очевидны практически для каждого в нашей стране.

Проявление гендерных разрывов в «реальной» политике неизбежно проецируется на сферу ее изучения – науку о политике. Политологи-феминисты доказывают существование теоретических гендерных разрывов. Например, с точки зрения альтернативной политологии важнейшие понятия, которыми оперирует политическая наука, созданы на основе сложившихся нормативных утверждений о бинарной оппозиции «мужское» / доминирующее, значимое и «женское» / subordinирующее, вторичное и базируются на

мужском социальном опыте и личностных проявлениях. В значительной степени это касается концептуальных представлений о демократии, гражданстве, праве, равенстве, справедливости, исследованию которых современная политология уделяет пристальное внимание. Сторонники феминистской политической теории настаивают на определении в политической науке этих категорий исключительно в патриархатных терминах. Так, например, «отталкиваясь» от факта более позднего обретения женщинами гражданского и политического равноправия, феминисты отмечают, что гражданство женщин завоевано в рамках структур патриархальной власти, в которых и до сих пор женские качества и свойства по-прежнему являются малоценными. Отсюда «...наиболее глубокой и комплексной проблемой для политической теории и практики теперь является проблема того, каким образом два гуманоидных тела, феминная и маскулинная индивидуальность могут быть полностью инкорпорированы в единую политическую жизнь»²⁰. Заметен гендерный разрыв и в образовательном процессе. Если за рубежом гендерное образование практически обрело свой законный статус и подготовка современного исследователя или преподавателя в области политологического знания невозможна без изучения гендерной теории, то оформление отечественной политологии как учебной дисциплины и формирование государственного образовательного стандарта происходят практически без учета этой проблематики. Тем не менее гендерный подход к социально-политическому познанию видится как необходимый, общественно востребованный элемент гражданского образования, как фундамент построения российского демократического общества на принципах приоритетности прав всех граждан, как мужчин, так и женщин. Учитывая социализирующую функцию политологического образования, гендерное знание поможет разобраться в вопросе политической идентификации и повлиять на формирование ответственной политической активности женщин, а следовательно, и сократить гендерные разрывы в отечественной политике.

Примеров гендерных разрывов в социально-политической сфере можно привести еще много. Прежде всего, потому, что истоки любых разрывов закономерны в связи с объективной и объясняемой разницей в социальном мироощущении мужчин и женщин. По этой же причине они будут постоянны, а в условиях равенства женщин в освоении публичной политической сферы – наиболее значимы. Следовательно, необходимость учета в анализе политических реалий последствий влияния гендерных различий является очевидной необходимостью. Кроме того, модели, объясняющие причины разрывов, становятся логикой уже зарекомендовавших себя в политической науке подходов, объясняющих разницу воздействия политических предпочтений. Например, методология моделей «воронки причинности», влияющих на процессы демократических транзитов, на электоральное поведение, даже на мировые политические процессы, включает в себя обязательные переменные микроуровня: личностные политико-психологические факторы, социокультурные и ценностные факторы²¹. Значимость аналитического потенциала явлений гендерных разрывов, первоначально проявившаяся, как говорилось выше, в электоральных изучениях, была замечена и другими науками. В данный момент понятие приобретает расширительный смысл в плане отражения различий интересов, предпочтений, мнений, ценностей, возможностей мужчин и женщин, имеющих равные права. Этот аспект, несомненно, увеличивает его методологическую значимость. Но, исходя из принципа «ценность любого научного анализа заключается в его практической реализации», ценность изучения причин возникновения и последствий гендерных разрывов возрастает при их учете в государственных практиках. В осознании того, что отношения, в которых находятся мужчины и женщины, являются важным детерминантом и характеристикой общественного развития. В том числе и развития политического.

Примечания

- ¹ Политология: Учебник / А.Ю. Мельвиль и др. М.: МГИМО (У), 2004. С.332.
- ² Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССИПЭН, 2000. С.186.
- ³ Воронина О.А. Основы гендерной теории и методологии // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций. М.: МЦПИ-МВШСЭН – МФФ, 2001. С.105.
- ⁴ Янг Ай.М. Политическая теория: общие проблемы и направления // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований». М.: МЦПИ-МВШСЭН, 2000. С.140.
- ⁵ Тикнер Дж.Энн. Мировая политика с гендерных позиций. Проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны». М.: Культурная революция, 2006. С.326.
- ⁶ Шведова Н.А. Политическое участие и представленность женщин в США: последняя треть XX века // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Алетейя, 2004. С.116–117.
- ⁷ Панарин А.И. Философия политики. Учеб. пособие. М.: Наука, 1994. С.12.
- ⁸ Словарь гендерных терминов. М.: Информация-XXI век, 2002. С.72.
- ⁹ См.: Clarke H.D., Stewart M.C., Ault M., Elliot E. Men, Women and the Dynamics of Presidential Approval // British Journal of Political Science, 2005. Vol.35. №1. P.31–51, 36.
- ¹⁰ См.: Duverger M. The Political Role of Women. Paris: UNESCO, 1955.
- ¹¹ См.: Lane R. Political Life. Why and how people get involved in politics. N.Y.: The Free Press, 1959; Dahl R. Who Governs? New Haven: Yale Univ. Press, 1961; Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton: Princeton Univ. Press, 1963.
- ¹² Duverger M. Op. cit. P.125.
- ¹³ Карол С.Дж., Зерилли А.М. Феминистские вызовы политической науке // Гендерная реконструкция политических систем. С.882.
- ¹⁴ Там же. С.879.
- ¹⁵ Lane R. Op. cit. P.354.
- ¹⁶ Гуденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 1999. С.309.
- ¹⁷ Clarke H.D., Stewart M.C., Ault M., Elliot E. Op. cit. P.31.
- ¹⁸ Ibid. P.51.
- ¹⁹ Ibid. P.32.
- ²⁰ Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / Под ред. И. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 1998. С.116.
- ²¹ См.: Мелешкина Е.Ю. «Воронка причинности» в электоральных исследованиях // Полис, 2002. №5; Мельвиль А.Ю. Методология «воронки причинности» как промежуточный синтез «структуры и агента» в анализе демократических транзитов // Там же; Лебедева М.М. «Воронка причинности» при исследовании мировых политических процессов // Там же.